

УДК 821.161.1

ФУНКЦИИ ЗАГЛАВИЯ И ЭПИГРАФОВ В КНИГЕ К.Д. БАЛЬМОНТА «ЯСЕНЬ. ВИДЕНИЕ ДРЕВА»

© 2013 Н.А. Молчанова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23.1.13

Аннотация: В статье раскрывается роль заглавия эпиграфов в малоизвестной книге К.Д. Бальмонта «Ясень. Видение Древа».

Ключевые слова: заглавие, эпиграф, поэтическая книга, символ.

Abstract: In this article the object of the study are role of title and epigraph in the little known book of K.D. Balmont «Ash-tree. Vision of the tree».

Key concepts: the title, epigraph, poetic book, symbol.

Лирика Бальмонта 1910-х годов до сих пор остается серьезным пробелом в изучении творчества поэта и традиционно оценивается под знаком «упадка», усугубившегося распадом русского символизма как единого литературно-эстетического направления. Между тем, в «Зареве зорь» (1912), в «Белом Зодчем» (1914), а особенно в книгах «Ясень» (1916) и «Сонеты Солнца, Меда и луны» (1917) поэт раскрывает совершенно неожиданные грани своего таланта, сохраняя приверженность символизму и одновременно своеобразно переключаясь с пост-символистскими тенденциями литературы. Думается, что наиболее значимая и в то же время самая сложная из бальмонтовских поэтических книг этого периода — книга «Ясень», имеющая подзаголовок «Видение Древа». Данный подзаголовок призван обозначить зачатки единого лирико-мифологического сюжета, воссоздающего панораму истории человеческой цивилизации от «утра вселенной» до апокалипсиса, причем в развитии этого сюжета активную роль играют архаические древние мифы, христианские идеи, естественнонаучные и философские концепции XIX–XX веков. В связи с такой «всеобъемлющей» установкой в «Ясене» поэт отказался от дробления на разделы, присущего многим предшествующим книгам.

Книге предпослан эпиграф, взятый из египетской «Сказки о двух братьях»: «Ибо я зачарую мое сердце и помещу его на вершине Древа в цветке». В русских переводах этой сказки даются различные конкретные названия деревьев: акация, кедр, пиния. Бальмонту было очень важно обобщить их в Древо,

ибо речь шла о Древе жизни — Иггдразиле. Символ «мирового Древа» в трагической ипостаси впервые появился у поэта в книге «Злые чары» (1906), чуть позднее он трансформировался в идеализированное «Славянское Древо» (книга «Жар-птица», 1907). Это один из основополагающих символических образов бальмонтовской лирики. С одной стороны, образ «древа жизни» гарантировал «целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной» [8, 405], с другой — был призван воплотить важнейшие качества поэзии самого Бальмонта. «Дерево в кроне экстенсивно, каким Бальмонт был тематически, а в корнях “генетивно”, как бальмонтовское устремление к источникам-космогониям», — справедливо отмечал В.Ф. Марков [6, 134].

Название древа жизни — «Ясень» — связано с весьма существенным в книге скандинавским мифологическим пластом, в ориентации поэта на древние космогонии на первый план выступает «Эдда». С «Эддой» Бальмонт, очевидно, познакомился в начале 1890-х годов, когда он переводил норвежских писателей и «Историю скандинавской литературы» Горна-Швейцера. Именно так надо понимать слова поэта в письме к М.В. Сабашникову от 30 января 1913 года: «Была у меня также с детства жажда перевести на русский язык “Эдду”, но, кажется, ее уже переводят для тебя» [5, 142]. В соответствии со «Старшей Эддой» у бальмонтовского Иггдразиля-Ясени «три корня»:

Один до Богов устремляется,

Другой к Исполинам драконится,

А третий идет в Дымосвод [1, 49].

В «славянских» поэтических книгах Бальмонта в качества древа жизни обычно высту-

пал «дуб». В «Ясене», помимо скандинавского мифологического источника, в небольшом цикле стихотворений об Индии поэт находит другое, совершенно новое название “древа жизни”:

*В моей индусской роще есть древо деодар,
Своим стволом высоким восходит ввысь оно,
Его расцвет походит на призрачный пожар,
Голубоваты ветви, внизу у пня темно [1, 82].*

Символика «цветка» была не менее близка поэту, она прошла через все его творчество, постепенно приобретая архетипическое значение [7]. Не случайно “верхняя” часть древа жизни, органично ассоциируясь в книге «Ясень» с небесным царством, усыпана «цветами»:

*И вершину Ясеня венчая,
Сонмы нежных маленьких цветков
Уходили в небо вплоть до Рая,
По пути веков и облаков [1, 212]*

Сказочный мотив «чарования» неразрывно соединен с бальмонтским пониманием «Поэзии как волшебства». Уместно вспомнить, что параллельно с написанием «Ясеня» шла работа над лекцией-манифестом с таким названием. Скорее всего, строки из египетской сказки как-то связывались в сознании Бальмонта еще и с эзотерическим учением, согласно которому «человек сначала существует потенциально в теле дерева, а позднее расцветает в объективные манифестации...» [9, 399]. Таким образом, эпиграф был концептуально важен для «стихийного гения», раскрывающего неожиданный «лик» поэта-мыслителя.

Внутри книги эпиграфов сравнительно немного, они предваряют лишь несколько стихотворений, однако это тексты ключевые для понимания мифопоэтического «сюжета» «Ясеня». В частности, двум сонетам, объединенным названием «Дуга», предпослан эпиграф из «детской игры» (а точнее из книги А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»): «Радуга-дуга, не пей нашу воду». Бальмонт не случайно трансформирует «магическое заклинание воды» в «детскую игру». «Кто Вечности ближе, чем дети?» — спрашивал поэт в стихотворении «Зимой ли кончается год...». Вопрос звучал риторически, утвердительный ответ мыслился сам собой: ребенок ближе всего к вселенской истине, его душа способна видеть в окружающем мире, природе, жизни незримое, вечное. «В детстве, — писал поэт в автобиографическом рассказе «Белая Невеста» (1921), — мы без слов знаем многое из того, к чему потом целую жизнь мы пытаемся, и часто напрасно, приблизиться лабиринтной дорогой слов» [2, 181]. Вот почему в своем творчестве Бальмонт всегда стре-

мился сохранить детскость, первозданность восприятия как непосредственное и истинное проникновение в мир, в «Ясене» же детскость ассоциировалась с мотивом «утра жизни» всей человеческой цивилизации.

В сонетах «Дуга» речь идет о дроблении света на семь цветов радуги:

*В нем семь мгновений связного рассказа: —
Кровь, уголь, золото, стебель, лень долин,
Колодец неба, синеалый сплин,
Семи цветов густеющая связка [1, 96]*

Число «семь» — универсальное в поэтике символизма, оно воплощало в себе идею единства вселенной. Для Бальмонта это число связывается с долго вынашиваемой им мыслью о цельности — раздельности мироздания и в конечном счете — высшей «свободе» творческого самоопределения:

*Семь струн моих, и в них едино пенье,
Но каждая есть вольная струна [1, 97]*

Эпиграфом к двум сонетам «Сглаз» послужил маленький фрагмент из «халдейской таблицы» (В.М. Марков справедливо указывает, что более верный перевод — «халдейская скрижаль»): «...Люди с лицами воронов...» [1, 156]. Ассиро-вавилонский миф о сотворении мира богиней злого хаоса Тиамат, создавшей странных существ «with the faces of ravens» [6, 187], «русифицируется» в первом сонете в фольклоризированный образ злого «сглаза», способного наслать порчу на «дом твой» и на «дух твой». Во втором сонете поэт задается неразрешимым вопросом об истоках происхождения зла в человеческой душе:

*А если в том, что вот я пью и ем,
Хочу, стремлюсь, свершаю в днях стяженье.
Сокровит ответ на голос вопрошенья?..
И не сильнее ли всех огней алмаза
Законность притяженья в чаре сглаза,
Когда скользят беззвучно птицы дыр? [1, 137]*

В стихотворении «Превозмогшая» эпиграф-монолог боярыни Морозовой «Хочет меня Господь взять от этой жизни. Не подобно телу моему в нечистоте одежды возлечь в недрах матери своей земли» (с.191) содержит в себе отсылку к цитате из Откровения Иоанна Богослова: «Сии, облеченные в белые одежды, — кто они и откуда пришли?» Облеченная «в белую сорочку» героиня твердо верит в истинность выбранного пути:

*В веках возникши правильной обедней,
Здесь в земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу через тьму,
И я уже не та в свой час последний [1, 192]*

Лирический герой поэта в «Ясене» наделен вешней прапамятью, позволяющей ему соединять разнообразные культурно-исторические пласты сознания. Кроме того, он обладает “колдовским”

даром перевоплощения, легко переносящим его “через века”, и магической способностью “читать бесчисленные знаки, начертанные мыслью вековой” («Знаки»):

*Я был на зиккуратах Вавилона,
Бог Солнца жег меня своим лучом...
Я был везде. Я древле был Варяг.
Вся кровь моя есть красный путь к Валгалле...
Я был жрецом на грозном теокалли... [1, 201]*

Эпиграф к стихотворению «Преображение», из которого были процитированы строки, взят из драмы Кальдерона «В этой жизни – все истина и все ложь»: «En esta vida todo es verdad...». В этом сложном стихотворении «зеркально» преломляются разные символы: «капля» и «океан», «грань» и «безграничность», «бог» и «жертва», «псалом» и «стон». Бальмонт находит здесь исчерпывающе краткое определение личного понимания процесса мирового развития и собственного «движения»:

*В вертени круга – радость и печаль,
Но в высь ведет змеиная спираль [1, 203].*

Философски значимый смысл имеет эпиграф к венку сонетов «Адам», взятый автором сразу из нескольких древнеегипетских источников: «Я бог Атуму, сущий, я был один...Атуму, бог Солнцеграда, сотворитель людей и делатель богов... Атуму, Солнце ночное» [1, 132]. Бог Атуму неоднократно упоминается Бальмонтом в книге «Край Озириса» (1914), в очерке «Солнечное единобожие» он дословно воспроизводит описание этого бога, прочитанное им в Абидосском храме Рамзеса: «Один из древнейших богов и главнейших. Ипостась ночного солнца. Творитель людей и делатель богов. Самосозданный» [3, 52].

Идея «самосозданности» – узловая в бальмонтовском венке сонетов, видимо, вследствие этого древнейший египетский бог здесь причудливо переплетается с библейским первочеловеком Адамом, причем к божескому провидению оказывается причастным еще и темный демиург:

*Адам возник в раю из красной глины,
И был он слеплен божеской рукой.
Но в этом колдовал еще другой,
И все его стремленья не едины [1, 212].*

Раздвоен также образ «белокурой жены» Евы, ей противостоит «ночная» Лилит. Драматически «многолик» и лирический герой поэта: «Лик мой – рознь. В себе я не единый» [1, 215]. Если в своей самой «звездной» книге «Будем как Солнце» (1903) Бальмонт стремился «оправдать» мир, сотканный «из различности сочетаний», видел в этой «различности» залог непрестанного творческого горения, то теперь его позиция уже не вполне соответствует символистскому нравственному релятивизму. Лирический герой венка сонетов «Адам» надеется

вновь «найти дорогу к раю», «самосоздать» себя по Божьему «закону». Любопытно заметить, что на «Адама» откликнулся сонетом «Бальмонту» Вяч. Иванов, закончив его строками: «Ты по цветам найдешь дорогу к раю» [4, 220].

Лирический цикл «Равный Ису», воспеваящий Париж (это пять сонетов, обрамленных двумя стихотворениями не сонетной формы), предваряет довольно длинный эпиграф из неназванной «старинной летописи»:

«И был тот город Ис всех светлее городов и счастливее. Было в нем цветов и благовоний в изобилии. Любились в нем так, как будто тела суть души.

И великая с Моря волна затянула однажды морскою водой город Ис, где он и донныне со всеми своими башнями» [1, 204].

Думается, что этот эпиграф имеет отношение не только к затонувшей Атлантиде и покоящемуся на дне озера легендарному Китежграду. Он может быть воспринят и осмыслен в контексте всей книги «Ясень», которая завершается апокалипсической картиной гибели мирового древа:

*Зеленое древо нездешнего сева, быть может,
с Венеры,
быть может, с Луны,
Цвело, расцветало, качалось, качало, и птицами пело,
и реяли сны.
Топор был веселый, жужжащие пчелы летели,
бросая
свой улей навек.
Удар был упорный, припевно-повторный, и звонкую
песню пропел дровосек.
Мы все это знали из дыма печали, из пенья и тленья
пылающих дров.
Так будет и с нами, горящими в Храме, так будет
С мирами во веки веков [1, 232].*

Такой финал одной из лучших бальмонтовских книг лишен безнадежного пессимизма, ибо он сопровождается «звонкой песней». Вместе с тем ему предшествует исполненный острого драматизма цикл «Ордалии», где лирический герой, пройдя целый ряд посвященных испытаний, предчувствует новое «воскресение», ощущает себя «малым звуком» в великом «Пасхальном гуле». «Рожденный от Солнца» и вкушивший «мёд веков», он надеется оставить свой «след» в «Видении Древа» – человеческой истории:

*И запоздавшему столетью,
Его предчувствуя в тоске,
Черчу рассказ я тонкой сетью
На мастадонтовом клыке [1, 88].*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бальмонт К.Д. Ясень. Видение Древа / К.Д. Бальмонт. – М., 1916.
2. Бальмонт К.Д. Белая Невеста // К.Д. Бальмонт. Где мой дом. Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма. – М., 1992.
3. Бальмонт К.Д. Край Озириса. Египетские очерки / К.Д. Бальмонт. – М., 1914.
4. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедии / Вяч. Иванов. – СПб., 1995. – Кн. 2.
5. Из переписки М.В. и С.В. Сабашниковых с авторами // Книга : Исследования и материалы. М., 1979. – Т. 38. Книга «Эдда. Скандинавский эпос» вышла в издательстве Сабашниковых в 1917 г. в переводе С. Свириденко.
6. Markov V. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont / V. Markov. – Köln, Weimar, Wien. : 1992. – Т. 2. – S. 134.
7. См.: Петрова Т.С. Семантика образа цветка в лирике К.Бальмонта / Т.С. Петрова // Материалы междунар. лингв. науч. конф. – Тамбов, 1995.
8. Топоров В.Н. Древо мировое / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. – М., 1991. – Т. 1.
9. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / М.П. Холл. – Новосибирск, 1992.

Сведения об авторе

*Молчанова Наталья Александровна, проф. каф. русской литературы XX и XXI веков ВГУ.
E-mail: molchanova47@mail.ru*

*Molchanova Natalja Aleksandrovna, professor of Russian literature of the XX-XXI centuries of philological faculty of the Voronezh State University.
E-mail: molchanova47@mail.ru*